

УРБАНИЗАЦИЯ САМОСТРОЯ: ТРУЩОБЫ В НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ (1960–1980-е гг.)*

Игорь Николаевич Стась

Аннотация. Исследуется формирование трущоб в нефтедобывающих районах Сибири в советский период на основе анализа архивных документов из двух главных архивов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – Государственного архива Тюменской области и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области. Автор проводил полевые исследования в трущобах городов нефтедобывающих районов Сибири и брал интервью у экспертов по градостроительству в регионе. Оригинальность работы заключается в том, что несмотря на современную критику советской урбанизации, в российской и зарубежной историографии практически не было исследований, посвященных формированию трущоб в процессе урбанизации Советского Союза. В данной статье автор пытается показать механизмы создания трущоб в городах СССР на примере нефтегазового освоения Сибири в 1960–1980-е гг. Исследование доказывает, что появление трущоб было следствием политики Советского правительства, министерств и ведомств – геологов, нефтяников и строителей, которые осуществляли эксплуатацию нефтяного региона Сибири. Урбанизация происходила бесконтрольно из-за стихийной и хаотичной миграции огромного количества рабочих, которых ведомства призывали приезжать на строительство нефтедобывающего комплекса, но для них не хватало благоустроенного жилья. Тогда трущобы выступали социальным механизмом решения жилищной проблемы. Ведомства сами централизованно возводили трущобное неблагоустроенное жилье для своих рабочих, становившееся в конечном итоге важнейшим источником общегородской и ведомственной идентификации многих городских жителей нефтедобывающих районов Сибири. Трущобы как основа самоидентификации стали выступать социальным фильтром, оставляющим в нефтяном регионе психологически и физически сильнейших, связывающих свое будущее с Сибирью.

Ключевые слова: трущобы, урбанизация, ведомства, нефтегазовое освоение, Сибирь

Вопрос о ложной урбанизации

Интерпретация российской и советской урбанизации является актуальной научной проблемой в современных российских исследованиях

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-31-01014 «Становление исторической урбанистики России: теория и историография советской урбанизации».

социальной и культурной истории XX в. Центральная тема в современных дискуссиях об урбанизации – жилищная проблема и ее решение в СССР. Советская историография отказывалась признавать появление и существование трущоб в процессе социалистической урбанизации. Трущобы рассматривались только как продукт капитализма, которого не может быть в Советском Союзе. Считалось, что социалистическая урбанизация была процессом планируемым и регулируемым, поэтому ей удавалось избегать появления трущоб (Connor 1971: 559).

В 1990-х гг., когда пали идеологические цепи, в социально-гуманитарной науке сформировался кардинально иной – критический – подход к сущности урбанизационного процесса в СССР, который, в том числе, признал формирование в российских городах ареалов стихийного неблагоустроенного временного жилья, что обуславливало поселковый и деревенский характер советской урбанизации. Некоторые исследователи в рамках этого подхода стали рассматривать урбанизацию в СССР как неполноценную и ложную: «псевдоурбанизация» (А.С. Ахизер), «квазиурбанизация» (В.А. Исупов), «слободизация» (В.Л. Глазычев), «искусственно-принудительная ускоренная урбанизация» (М.Г. Меерович).

Современные российские и зарубежные исследователи отмечают, что в Советском Союзе наиболее быстро трущобы возникали в социалистических моногородах (*socialist company towns*), которые зависели от одной промышленной отрасли (Davis 2006: 24). Однако сегодня во многих социалистических моногородах России происходит централизованная ликвидация трущоб, формируется полноценная городская культура среди населения. Российское общество с большими задержками, но все же развивается в рамках этой схемы урбанизации. Поселковая и деревенская идентичность сменяется общегородской, происходят перевод социокультурного и жилого пространства на качественно новый уровень городской среды и появление поколений горожан, абсолютно не связанных с пасторальными традициями и культурой.

Этот механизм перехода сегодня становится объектом исследований российской социокультурной антропологии, поскольку советский временный жилой самострой постепенно уходит в прошлое. В частности, в бывших социалистических моногородах Западной Сибири становится все меньше трущоб – следов нефтегазового освоения в 1960–1980-е гг. С одной стороны, это положительный процесс – люди перебираются в благоустроенные квартиры, но с другой – теряется сформированное еще советской мобилизационной системой пограничное и маргинальное культурное пространство в городах, которое практически так и не было изучено социально-гуманитарной наукой. В российской исторической литературе наблюдается та же тенденция, что и в историографии Индии: несмотря на наличие в стране больших ареалов трущоб,

практически отсутствуют исследования об истории государственной политики в отношении трущоб и становления незаконных поселений (squatter settlements) (Spodek 1980: 287). Учитывая актуальность данной проблемы, целью статьи является раскрытие эволюции трущоб в процессе урбанизации и промышленного освоения нефтедобывающих районов Западной Сибири в 1960–1980-е гг.

Статья написана на основе делопроизводственных документов, хранящихся в двух архивах Тюмени – Государственном архиве Тюменской области и Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области. Также в рамках исследования автор проводил полевые работы в трущобах городов нефтедобывающих районов Сибири, брал интервью у экспертов в области градостроительного развития нефтяного региона Сибири.

Трущобы и нефтегазовое освоение

Жилое пространство в строящихся новых городах в нефтедобывающих районах Сибири изначально организовывалось из временного самостроя, что обуславливалось стихийностью нефтегазового освоения, которое осуществляли различные ведомства: геологические, нефтедобывающие и строительные. Государство в лице ведомств и министерств в первую очередь любыми средствами стремилось решить производственные задачи: сначала рабочая сила, которая осуществляла выполнение директив (в данном случае планы по добыче нефти), и только потом создание нормальных условий жизни.

До нефтегазового освоения, которое началось в первой половине 1960-х гг., жилое пространство в населенных пунктах северных территорий Западной Сибири наполнялось только индивидуальными домами деревенского типа и брусчатыми двухэтажками. Массово самострой стал появляться в регионе только с приходом геологов, открывших западно-сибирскую нефтяную провинцию, которым необходимо было где-то жить. Первое время, в начале 1960-х гг., геологи застраивали свои населенные пункты землянками и палатками, а вскоре и брусчатыми двухэтажными домами, разработанными институтом «Гипролеспром» для строительства временных поселков лесников (ГАТО, б.д.: 3). К этой двухэтажной застройке стали примыкать балки, землянки и палатки. Балки – это деревянные, металлические или из разного подручного материала маленькие невысокие кривые домики с небольшими огороженными участками, которые до конца 1960-х гг. были главным элементом застройки и личной жизненной среды первооткрывателей нефти. Сегодня местные жители под балком понимают любое временное неблагоустроенное жилье в нефтедобывающих районах Сибири. Такие поселки геологов расположились в городах Сургут, Нефтеюганск и Мегион.

В 1964 г. вслед за геологами в нефтедобывающий регион прибыли нефтяники объединения «Тюменнефтегаз». Они действовали по той же схеме: воздвигался брусчатый двухэтажный поселок, а рядом хаотично ставились одноэтажные дома на одну-две квартиры, балки, землянки, бараки и палатки. Так, возле поселка нефтяников в г. Сургуте образовалось поселение из неблагоустроенного жилья Таратыновка, получившее такое имя в честь заместителя начальника нефтепромыслового управления «Сургутнефть» Б.Н. Таратынова. Согласно воспоминаниям одного из жителей, такие же явления были характерны и в Нефтеюганске: «... город состоял из законченных четвертого и пятого микрорайонов и недостроенного шестого микрорайона с двухэтажными деревянными домами. Вокруг этих микрорайонов сгрудились частные строения из балков, вагончиков и приспособленных – чуть ли не картонных – домиков на территории первого, второго и третьего микрорайонов, а также в сторону речки Акопас» (Нефтеюганск... 1997: 49). Таким путем появлялись первые трущобы в создаваемых городах нефтедобывающих районов Сибири. Исследователи точно подметили образ тогдашнего города Сургута, характерный для всех строящихся городов округа: «...был похож на многолюдный табор. Вагончики, палатки, полевые кухни, вечерние костры на берегу реки, тысячи людей, занятых строительством и размещением, – так рождался новый город» (Тюменская... 1981: 32).

Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили индивидуальные засыпные дома. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания первых жителей Нефтеюганска. Вот одно из них: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 г., то жить было негде. Вместе с семьями Гусевых, Чвановых, Вилковых мы стали строить засыпные дома. Старшие дети помогали нам – ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. А болото было рядом, теперь там первый микрорайон. Когда отстроили две квартиры, то тянули жребий – кому первому достанется, работали ведь все одинаково» (Нефтеюганск... 2004: 33).

Балки не имели какой-то стандартной формы – все зависело от фантазии строителей. Возводились и деревянные балки большого размера, на несколько комнат. В таких домах часто жила не одна семья: «К весне 1965 г. стали думать о жилье – как дом построить. В апреле выбрали место в “копай-городе” (сейчас это третий микрорайон). Рядом были контора бурения, общежитие и балки. Деревья рубили там, где сейчас седьмой микрорайон. Построили один большой дом, разделили его на три части – всем по одному окну – и в июне уже перешли в свой дом, а в июле братья привезли свои семьи. Потом построили веранды, баньку рядом. Жили дружно, были довольны и счастливы. Так мы прожили 5 лет» (Нефтеюганск... 1997:

128). Следует добавить, что «копай-город» – это овраг, застроенный в основном землянками и бараками.

Естественно, условия жизни в таких домах были тяжелыми. Житель Нефтеюганска А.В. Рябов рассказывал о суровых условиях жизни в балках в 1966 г.: «В балке не было ни окон, ни двери, зато было по колёно снега. Выгребли снег, достали рамы, дверь, поставили печку-буржуйку, 6 ноября справили новоселье и праздник Великого Октября. Вместо стола был ящик из-под папирос, а стульями служили ящики поменьше. С буржуйкой было много горя, она “ела” много дров. С вечера натопишь – жарко, а утром вода в умывальнике замерзала. Вот так жили всю зиму. Дрова я не успел завезти, и приходилось каждый вечер носить то доску, то бревнышко с пилорамы...» (Нефтеюганск... 1997: 62). Балки не стояли долго. Разливами Оби и Юганской Оби их часто сносило или затапливало. Первооткрыватель западносибирской нефти геолог Ф.К. Салманов писал, что в начале 1960-х гг. в Нефтеюганске «балки, конечно, были не такие, как сейчас. Холодные, темные, тесные, они служили временным пристанищем, и большинство первопроходцев мирились с бытовыми трудностями. Но даже балков не хватало» (Салманов 1988: 199).

В небольших новых городах на 15–30 тыс. чел. строилось катастрофически много балков: на 1 января 1968 г. в Сургуте насчитывалось 1 000 балков, в Нефтеюганске – 1 400, в Урае – 700, в Нижневартовске – 400 (Государственный... 1968: 31). Такие точные цифры являются ценным источником, потому что очень сложно проследить изменения в количестве балков и вагончиков на протяжении изучаемого периода, поскольку советская статистика не учитывала самострой – он не проходил в отчетах в графе «жилищный фонд» и не считался ни индивидуальным деревенским, ни ведомственным жильем. В целом проблема советских трущоб, конечно, всегда была засекреченной (Matthews 1986: 69).

Другим важнейшим элементом организации жилого пространства становились вагончики или вагон-дома. Сегодня в обыденном сознании местных жителей региона вагон-дома рассматриваются тоже как балки, что неверно. Историк В.П. Карпов так описывает жизненное пространство в вагончике: «...из двух по шесть квадратных метров отсеков, разделенных коридорчиком. В каждом отсеке – по четыре холостяка или семья. <...> На шести квадратах – их спальня, на других шести – кухня, столовая, детская...» (Карпов 2012: 22). В 1960-х гг. вагончики были не только местом для жилья, но и сооружениями, где располагались столовые, магазины, помещения больниц и поликлиник.

Горожанин, проживающий в вагончике, не имел личного жизненного пространства, ему приходилось разделять его с другими. Вагончики, произведенные на Ухтинском, Рижском или Вышневолоцком деревообрабатывающих комбинатах, рассчитывались на 6–8 человек. Обычный

вагон-дом состоял из небольшого тамбура (площадью 2,5–3,3 кв. м), двух жилых отделений (8,8–8,8 кв. м), объем каждого – 18,7–18,9 куб. м. Нередко в одной половине вагончика вместо положенных 4 человек проживали 5–6. В вагончике имелось два небольших окна, стены были покрыты пластиком, теплоизолирующий слой пенопласта заполнял пространство между деревянными стенками. Снаружи вагончики обшивались железом или рейкой. Отапливались помещения самодельными электронагревателями, реже – газовыми печами (Гурьев 1977: 89).

Из таких вагончиков создавались целые городки. В конце 1962 г. в Нефтеюганске в Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции имелось 70 вагон-домов, из которых 21 вагон использовался под общежития, в 45 размещались семьи рабочих и служащих, 4 вагона были заняты под санитарные и другие помещения (Нефтеюганск... 2004: 31). В 1967 г. в Нефтеюганске имелось уже 795 жилых вагончиков: на Усть-Балыкскую нефтеразведочную экспедицию приходилось 248, на нефтепромысловое управление «Юганскнефть» – 199, строительное управление № 10 – 41, на другие организации – 307 (Государственный... 1967: 106). Условия жизни в вагончике были не лучше, чем в балке: «Вскоре получили долгожданное гнездо – привезли пару вагончиков, установили в городке “разведчиков” и стали жить-поживать в вагончике по восемь человек – койки в два яруса, в тамбуре буржуйка, которую нужно топить всю ночь, но утром одеяла и подушки все-таки примерзали к стенкам вагончика» (Нефтеюганск... 1997: 72–73).

Помимо балков и вагончиков элементами трущобного пространства также выступали бараки, дома-цилиндры, или бочки. Тип временной застройки зависел от ведомства. Энергетики, например, расселились в поселке из домиков ПДУ (передвижной дом-универсал). Железнодорожные строители преимущественно располагались в линейных домах сборно-разборного типа серии «БАМ» (передвижные домики, которые использовались на строительстве Байкало-Амурской магистрали) (Авимская 2006: 118). Однако такого «разнообразия» временного жилья было не так много, и у всех ведомств большинство временного жилищного фонда приходилось на балки и вагончики.

К концу 1960-х гг. в городах нефтедобывающих районов Сибири началось капитальное типовое строительство. Многие горожане смогли переехать из балков в благоустроенные квартиры в пятиэтажках. Однако количество временного жилья не сокращалось. Конечно, капитальное строительство уменьшало долю неблагоустроенного жилья в городах. Но с ростом населения на эту уменьшающуюся долю приходилось все больше и больше балков, вагончиков и другого неблагоустроенного жилья, так как миграция в регион только нарастала, и тысячам приезжающих нужно было где-то жить. В абсолютных цифрах людей, проживающих во временном жилье, и самих временок становилось все больше.

Если в 1960-х гг. временный жилой фонд создавался в сердце рождающего города, был его архитектурно-планировочным базисом, то в 1970-е гг. стесненные капитальным строительством балки стихийно разрастались на периферии городов в виде ведомственных поселков. На 1 января 1975 г. более 20 тыс. жителей Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска проживали в вагончиках и балках: в Нижневартовске насчитывалось 2 212 балков и 228 вагончиков, а в Сургуте 1 300 балков и вагончиков (ГАТО 1975: 30, 71, 73). В рабочих и вахтовых поселках – Мегионе, Пойковском, Мамонтово – временки стали основным элементом застройки, их насчитывалось тысячи.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. региональное правительство разработало первые планы по сносу временного жилья. 21 июня 1968 г. вышло постановление бюро Тюменского обкома КПСС «О ходе строительства социальных и культурно-бытовых учреждений в нефтегазодобывающих районах области» (Государственный... 1968: 13–19). Постановление запрещало строительство в городах временного нетипового жилья, а ведомствам предписывалась ликвидация в течение 1968–1969 гг. всех приспособленных под жилье временных зданий. Однако на это постановление ведомства не обратили никакого внимания.

30 июня 1970 г. Тюменским облисполкомом было принято решение «О сносе аварийного жилого фонда по городам и районам области в 1971–1975 годах» (ГАТО 1971: 54, 446–453). План сноса бараков и аварийного жилого фонда предусматривал снести: Главтюменнефтегазу (нефтяники) – 3 565 балков (53 475 кв. м), Главтюменнефтегазстрою (строителям) – 166 (7 684 кв. м) и Главтюменгеологии (геологам) – 12 (720 кв. м) (447, 453). Решение Тюменского облисполкома «О мерах по дальнейшему улучшению жилищного и культурно-бытового обслуживания трудящихся городов Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска и Надыма» от 21 мая 1975 г. обязывало горисполкомам обеспечить в течение 1975–1978 гг. переселение семей, проживающих в балках, вагончиках и бараках, в благоустроенные жилые дома, а также способствовать прекращению самовольного строительства временок, запрещало всем организациям и предприятиям дальнейшую установку вагончиков на городской территории (1975: 34).

Но городские власти были не в состоянии исполнить эти решения, поскольку все ресурсы и механизмы жилищного строительства находились в ведомственных руках. Принимаемые решения ведомства попросту игнорировали и возводили новые вагон-городки, заселяли их или потворствовали возведению балков. По воспоминаниям энергетика и архитектора Ю.В. Дворникова, Сургутский горисполком и горком сами способствовали появлению балков: «Если где-то какая-то задержка была с освоением земельного участка под строительство балков, любому руководителю предприятия шею свернули бы запросто. Даже по этому

поводу» (Интервью с Дворниковым... 2015). Однако, по мнению В.Ю. Дворникова, нельзя сказать, что власти поощряли возведение балков: «Ну как поощряли, все понимали, что это убожество, это неправильно, но какой выход другой есть?» (Интервью с Дворниковым... 2015). Поскольку другого жилья не было, городским властям приходилось осуществлять регистрацию населения в балках и вагончиках, по факту – в незаконных строениях. В целом в 1970-е гг. количество семей, проживающих в балках, увеличилось. Так, по данным советского академика А.Г. Аганбегяна, в 1979 г. в балках и вагончиках главного нефтяного ведомства региона – Главтюменнефтегазе – проживали более 18 тыс. семей, что было вдвое больше, чем 5 лет назад (ГАСПИТО 1979: 118).

Единственным городом в 1970-е гг., где количество временного жилья сокращалось, был Урай. Этому способствовали стабилизация роста населения и спад миграции в город. К 1971 г. в Урае были снесены все землянки, но 740 семей продолжали жить в балках, 165 – в вагончиках, 88 – в пришедших в негодность бараках, 216 – во временных каркасно-засыпных домах. В 1973 г. в Урае были ликвидированы все вагончики, оставалось 310 балков из 1 700, насчитывающихся в конце 1960-х гг. (ГАСПИТО 1972: 55; 1973: 14).

В отличие от балков и вагончиков, проблему бараков и подвальных жилых помещений удалось решить относительно быстро. В Тюменской области в 1975 г. их имелось на 55,3 тыс. кв. м общей площади. В 1980 г. их площадь уменьшилась до 24,5 тыс. кв. м, а в 1983 г. они были практически ликвидированы – 0,7 тыс. кв. м (ГАСПИТО 1984: 75).

В 1980-х гг. проблема трущоб резко усилилась. Связанно это было с новой программой нефтегазового освоения, утвержденной постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР в 1978 и 1980 гг. Масштабное строительство и новая волна стихийной миграции привели к тому, что в крупных городах округа – Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске – появились настоящие трущобы из балков и вагончиков. По данным Главтюменнефтегаза, в 1982 г. в Нижневартовске 18,3% нефтяников и их семей проживали в балках и вагончиках, в Сургуте – 34,5%, в Нефтеюганске – 9,6%, в Урае – 0,5%, в новых рабочих поселках – 48,5% (Гапонова 1986: 146). Согласно социологическим паспортам городов округа, в 1982 г. в Нижневартовске насчитывалось 4 663 балков и 1 685 вагончиков, в Нефтеюганске – 200 и 1 500, в Мегионе – 1 582 и 981, в Нягани – 56 и 1 150, в Радужном – 596 и 609. В 1982 г. меньше всего временного жилья насчитывалось в Урае (42 балка) и Ханты-Мансийске (39 балков) (ГАСПИТО 1982: 5–48).

Если учесть, что в среднем в одном балке жило 2–3 человека, а в вагончике 6–8 человек, то станут понятны масштабы проблемы. По подсчетам разных исследователей, в Нижневартовске в середине 1980-х гг.

свыше 40 тыс. человек проживали в балках и вагон-домах (Аверин, Антропов 1988: 40; Хромов, Корнев 1988: 39). Столько же неблагоустроенного жилья было в Сургуте. Учитывая, что население Сургута и Нижневартовска к этому времени достигло 200 тыс. чел., то получается, что в балке или вагончике проживал каждый пятый горожанин. Сургутский градоначальник Н.Г. Аникин вспоминал: «Когда я работал председателем горисполкома (1979–1981 гг.), по инвентаризации насчитывалось 36 тысяч балков!» (Аникин 2005: 123). Скорее всего, это преувеличенная цифра, но она характеризует ощущение масштабности, возникавшее от распространившихся трущоб. Основная масса людей, проживавших в балках в 1990-х гг. и сегодня, заселилась в них в 1980-е гг. По данным горисполкома, в Сургуте в сентябре 1990 г. насчитывалось 562 семьи, проживавших во временном жилье 10 лет, 2 208 семьи – более 7 лет, 2 105 заселились до 1986 г., а 1 074 – в последние три года (Зорин, Трутнев 1993: 112). По данным института ЛенЗНИИЭП, на 1 января 1986 г. доля временного жилья с низкой степенью благоустройства в районе Среднего Приобья составляла около 20% от общего объема (Миленина, Морозова, Смирнов 1988: 12). То есть около 20% жителей городов нефтедобывающих районов Западной Сибири жили во временном жилье.

В пространственном отношении города нефтедобывающих районов Сибири полностью окружались трущобами. Временные поселки, вагон-городки, балки, склады и гаражи размещались на территориях, предназначенных для капитальной застройки и общегородского центра, набережных и зеленых массивов городов. В 1980-х гг. в северо-восточной части Нефтеюганска образовался обширный ареал индивидуальной жилой застройки (микрорайон 11А), к которому с южной стороны прилегал 11-й микрорайон, состоявший из хаотично построенных двухэтажных брусчатых домов. Трущобы Нефтеюганска были отделены от капитальных микрорайонов промышленной зоной. Самые большие трущобы были в Нижневартовске. Вокруг капитальных районов Нижневартовска – Западного и Центрального – образовалось три ареала временного и неблагоустроенного жилого фонда: 1) самый большой располагался на территории западной промышленной площадки; 2) с востока чуть меньше по занимаемой площади и количеству временного жилья – район Старого Вартовска; 3) юго-западная часть города вдоль реки Большая Рязанка (Клевакин 2008: 51). Корреспонденты центральной советской газеты «Правда», прибывшие в 1986 г. в нефтегазодобывающие районы Западной Сибири, отмечали в своих репортажах: «Где еще можно увидеть целые районы балков (жилых сарайчиков) с населением в десятки тысяч человек? Пожалуй, только в Нижневартовске, Новом Уренгое и других молодых городах Тюменского Севера» (Кузьмищев, Лисин, Овчаренко 10 декабря 1986).

Представляется, что было три причины появления трущоб и роста временного жилого фонда в 1980-х гг. Первая причина, самая главная, была связана с нерешенностью жилищного вопроса в обстановке массовой миграции в регион. Страшный дефицит благоустроенного жилья ставил тех, кому это жилье не досталось, перед выбором: либо возвращаться назад – на «большую землю», либо заселяться в балок (который часто приходилось самому строить) или вагончик. Во-вторых, увеличение временного жилищного фонда было прямо пропорционально росту капитального строительства: строителям приходилось где-то жить, поэтому при больших стройках возводились временные балки и вагонгородки, которые становились постоянными. Третья причина была следствием директив Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 марта 1980 г., в котором особое значение придавалось созданию вахтовых пунктов расселения и, в силу этого, поставке ведомствам деревянных домов, передвижных вагон-домов и помещений контейнерного типа (6, 9, 13 тыс. штук соответственно в 1981–1983 гг.). Ведомства не только строили из них вахтовые поселки, но и ставили в городах. Кроме того, города, созданные в 1980-х гг. (Лангепас, Пыть-Ях, Радужный, Нягань, Покачи и другие), формировались на базе вахтовых поселков, которые строились в основном из временного жилфонда, поэтому и в этих городах наличие неблагоустроенного жилья было неизбежным (в Нягани в балках и вагончиках жили более 8 тыс. чел., в Покачи – свыше 4 тыс. чел.).

Региональные власти в лице Тюменских обкома и облисполкома к концу 1980-х гг. вновь принялись за реализацию программ по сносу временного жилья. Во второй половине 1980-х гг. балки и вагончики стали сноситься в большем объеме, чем прежде, а семьи, живущие в них, переселялись в капитальное жилье. При снижении миграционного потока эта мера дала некоторые положительные результаты. Так, за 1986–1990-е гг. в Сургуте было переселено из временного жилья 5 007 семей. Однако это были локальные достижения. В целом жилищная проблема не решалась, на месте снесенного временного жилья постоянно ставились новые балки.

Трущобы как решение жилищной проблемы

Каковы были социальные и технические механизмы создания балков? Ведомства видели в балках своеобразную социальную гарантию на жилье для приезжающих рабочих. В отличие от развивающихся стран и стран третьего мира, в нефтедобывающих районах советской Сибири трущобы создавались не нищими и не выступали пространствами бедноты. Как правило, в трущобы селились квалифицированные рабочие и инженеры, которым попросту не хватило государственного благоустроенного жилья, и они становились в очередь на его получе-

ние. У промышленных организаций в нефтедобывающих районах Сибири часто вообще отсутствовало какое-либо жилье для новых рабочих, которые только-только приехали с «большой земли». Получение государственной или ведомственной квартиры затягивалось не на один год. По этой причине связь между бедностью и возникновением трущоб (slum-dwelling), столь характерная для капиталистических стран, в Советском Союзе была ослаблена (Matthews 1986: 68).

Таким образом, трущобы при отсутствии благоустроенного жилья становились социальным инструментом, который способствовал закреплению рабочих за организацией. Предприятия выдавали принятому на работу готовый балок, но чаще работодатели выделяли рабочему инструменты и материалы для его строительства. Сценарий действий работодателей и рабочих был следующим: «Люди нужны, квартир нету. Вот приезжает человек, говорит: “Хочу работать”, – ему говорят: “Вот на тебе машину опилок, машину обрези и за жилье не спрашивай”. Хочет человек: сам построил, засыпал опилки, живет и работает» (Интервью с Дворниковым... 2015). Если ведомство не могло предоставить жилье или необходимые для возведения балка материалы, благодаря которым рабочий смог бы построить себе временку, то это выступало весомым основанием отказа в приеме на работу. Либо, наоборот, наличие материалов для возведения балка способствовало получению работы: «Я уже в 80-х годах работал, прорабом был, вот также поступал, приходит работяга, говорит: “Хочу работать”, – ну я говорю: “Ну иди там” [имеется в виду к руководству. – И.С.]. Они говорят: “Они хотят у тебя спросить, нужен ли я как специалист здесь”, – я говорю: “Ну, нужен”. А жилья нету. Звонит начальник или главный инженер: “Машину опилок найдешь?” – “Найду”. “Машину досок найдешь?” – “Ну, найду”. – “Все, принимаем на работу”» (2015). Так действовали на всех предприятиях, в силу чего этот процесс принимал хаотичные и стихийные формы.

Часто материалы и инструменты для постройки балка просто воровались с предприятий: «Вот так жители балков, подходит работяга: “Дай доску?” – “В этом месяце не могу, в следующем дам”. – “Мне шас надо”. – “На шас, но потом украдешь где-нибудь, мне принесешь”. Вот и все. Ну, он также подойдет к другому начальнику цеха: “Ну, дай доску”. – “Ну на”» (2015). От количества найденного материала зависели комфорт и размер балка: «Кто на что горазд был. Я украл десять досок – одна комната, удалось двадцать украсть – у меня две комнаты будет, а тридцать – и кухня будет с тамбуром» (2015). В 1972 г. прокурор Тюменской области Б.И. Рыбников заявлял: «В городах Тюмени, Сургуте, Нижневартовске в результате самовольного строительства появлялись целые поселки. Своевременных мер к пресечению этих фактов со стороны административных органов и местных Советов не прини-

малось. <...> Даже руководители некоторых предприятий, общественных организаций факты мелких хищений рассматривают как нечто обычное, без чего не обойдешься» (ГАТО 1972: 33). Поселки из балков становились вне рамок социалистической законности: воздвигнутые самовольно на государственной земле без учета всяких норм и правил, чаще всего они строились из похищенных материалов.

Процесс строительства балка был относительно простым: «Вот самый простой фундамент, берешь четыре ската, засыпаешь туда щебень, чтобы твердо было, – и все. И обвязку из бревна или из бруса делаешь понизу, потом стойки ставишь, потом верхнюю обвязку делаешь, одну сторону обшиваешь доской, а вторую сторону параллельно доской и засыпаешь, и засыпаешь, и засыпаешь [между досками засыпались опилки, которые выступали утеплителем стен. – *И.С.*], потом делаешь завалинку, чтобы в полах не было опилок, это дефицит был опилки, делаешь просто завалинку, чтобы не дуло. Ну и крышу. Потом обвели это дело рубероидом, или толью, или кто че нашел, чтобы не продувало и не выдувало опилки, – и все. Больше ничего не было» (Интервью с Дворниковым... 2015). Балок обычно помогали строить коллеги по новой работе либо друзья. В зависимости от количества помощников возведение балка занимало 2–3 дня, особенно если человек устраивался на работу, а ему спать было негде.

Помимо индивидуального строительства балков одним или несколькими работниками, нередко поселки из балков возводились ведомствами централизованно. Вспоминает архитектор В.И. Унжаков: «Вы знаете, как появлялся балок? Я вам сейчас расскажу. Вот есть улица Мира, идет. По улице Мира должен был проходить водовод. Не было еще никакой улицы Мира. Марчук был председателем горисполкома. Вот ничего не было – будет водовод здесь. Марчук приехал, посмотрел, ну, все нормально, все строить будем. Через неделю на этом водоводе стояло сотня-полторы балков. На водоводе. И для того, чтобы его построить, надо было все эти балки снести. И всем дать квартиры. <...> Он [имеется в виду строитель-житель балка. – *И.С.*] его сбивает где-то в стороне, ставит на салазки, по темноте трактором или чем-то приносит, ставит, быстро уезжает, он заселяется и живет, как будто он там всю жизнь живет. Все» (Интервью с Унжаковым... 2015). Благодаря такому методу переброски балков мгновенно осуществлялось ведомственное расселение вновь прибывших партий рабочих и их семей в пределах городского пространства.

Понятно, что в таких трущобах о какой-либо предметной роскоши или богатстве интерьера можно было и не мечтать: «Минимальное все было, по минимуму, потому что большой дом быстро не построишь, его же и топить еще надо, а чем больше дом, тем больше тепла надо, тем больше забот. Также из досок кровати сбивали, шифоньеры сбива-

ли» (Интервью с Дворниковым... 2015). В экспозициях региональных музеев внутреннее убранство балка представлено простой железной кроватью, керосиновой лампой, телогрейкой на гвоздике (Карпов, Гаврилова 2011: 86).

Значительной проблемой для городских властей было благоустройство временных поселков. Канализация представляла собой дворовые санузлы. В вагон-городках и районах индивидуальной застройки сброс стоков иногда производился прямо под вагоны и дома. Ассенизационные обозы при этом часто не создавались, не организовывался регулярный вывоз нечистот. В итоге это вело к ухудшению санитарного состояния населенных пунктов.

Балки отапливались дровяной печкой из кирпича. Складывались маленькие топочки, от которых на улицу выводили трубу. В начале 1980-х гг. стали проводить централизованное отопление. Электричество в балках появлялось практически сразу, потому что его провести было не так сложно. Воду к балкам подвозили в определенное время, по графику.

Тротуарная и дорожная сеть внутри таких трущоб практически всегда имела хаотичную структуру. Дороги были преимущественно грунтовыми, а где-то и вовсе отсутствовали. Жители Сургута до сих пор вспоминают о временном поселке Таратыновка, состоявшем из хаотично возведенных домиков, между которыми были грязь и болото, а также пролежала деревянная дорожка: «Когда нефтяники сносили ее, Таратыновку, – это была гора вот такая мусора, бульдозером столкнутая. А Таратыновка – это был район, где даже при температуре +30°C в июле месяце, если оступись с мунстров, можно было по колено утонуть в грязи. На болоте стоял» (Интервью с Унжаковым... 2015).

Трущобы из балков и вагончиков не имели статичной зафиксированной структуры, а постоянно меняли свои очертания, особенно это касалось границ временной застройки, которая тяготела к расширению. Хаотичная застройка обуславливала и хаотичное распределение номерами на домах. Рядом могли стоять балки под номерами 2 и 98. В силу этого незнакомцу невозможно было найти нужный дом. Среди жителей трущоб это вызывало серьезные недовольства. Например, в 1979 г. во время социологического исследования среди работников объединения «Сургутнефтегаз» опрошенные неоднократно указывали на разбросанность и хаотичность вагончиков, из-за чего почта не может найти адресата, а «скорая помощь» – отыскать источник вызова (Гапонова 1986: 144–145).

Изменения в архитектуру балков вносились постоянно. Однако пристройки к домикам стали характерны для более позднего периода – в 1980-е гг.: «Просто потом, со временем, кто долго живет, кому не светит квартира, начали пристраивать себе что-то, какой-то комфорт создавать уже» (Интервью с Дворниковым... 2015). В целом в мировой науке отмечается стадийность возведения и эволюции самостроя:

первоначально застройщики чаще и охотнее используют относительно примитивные технологии прошлого времени или «суррогатные» материалы, из-за чего размер построек оказывается минимальным, а впоследствии, при определенном уровне развития производства, более применяются конструкции заводского изготовления, постройки становятся значительно крупнее, появляется современная инфраструктура (Бурцев 2014). Трущобы в городах нефтедобывающих районов Сибири также прошли эти стадии развития. В постсоветское время в некоторых временных поселках были проложены инженерные сети, проведены дороги, улучшилась планировка домов. Однако это были единичные случаи, которые в совокупности не способствовали трансформации трущоб в благоустроенные районы.

Заключение

Исследования последних лет свидетельствуют о большой значимости «самостоятельно выстроенного жилья для формирования социальной идентичности субъектов, процессов социального воспроизводства, о том, что архитектура этого жилища является своеобразным текстом, отражающим стиль жизни его владельцев» (Бурцев 2014). Само понятие «балок» в общественном дискурсе 1960–1980-х гг. применялось только для обозначения самостроя на нефтегазовом Севере Западной Сибири, в редких случаях так называли временки в других регионах страны. Таким образом, балки были особенностью нефтегазового Севера Западной Сибири, выступали типичным элементом вернакулярной архитектуры, которая характеризовалась народными постройками, отражающими специфику определенной местности – климат, материалы, многолетние традиции, социальную идентичность.

Балки становились важнейшим источником общегородской и ведомственной идентификации многих жителей нефтедобывающих районов Западной Сибири. Корреспондентов газеты «Правда» в 1986 г. возмутил один случай: «Год назад один нижевартовский семиклассник написал в сочинении: “Я очень люблю свой город. Когда я отслужу в армии, обязательно вернусь в Нижневартовск и построю свой балок”» (Кузьмищев и др. 15 декабря 1986). Корреспонденты задавались вопросом: «Почему они [юные горожане. – И.С.] вынуждены свои планы связывать не с благоустроенными квартирами, а с балками?» (15 декабря 1986). На страницах «Правды» ответ на этот вопрос связывался с неудовлетворительным ведомственным руководством строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, когда на первый план ставились производственные планы, а по остаточному признаку – возведение жилья и социокультурных объектов. Однако это была лишь «экономическая» причина, о которой вряд ли задумывался семиклассник.

Скорее, балок для школьника виделся уже как родной дом, в котором живут его семья, друзья, проходит его детство. С такой внутренней позиции балок и трущобы виделись «малой родиной», «кровным пространством», «объектом любви», а для повзрослевших поколений – очагом воспоминаний, ушедшей романтикой и основой самоидентификации. За 30 лет, с 1960-х гг., появились тысячи семей, связавших с балком значительную часть своей жизни, зачастую лучшую – молодость. Балок выступал социальным фильтром, который оставлял в регионе психологически и физически сильнейших, видевших здесь свое будущее, а тех, кто не справлялся с тяжелыми жилищными условиями и не был готов к Северу, возвращал домой на «большую землю». Но в целом плохое жилье продолжало оставаться главной причиной оставления рабочими нефтедобывающих районов Сибири и возвращения на прежние места проживания (Hausladen 1990: 39).

Учитывая такую форму социальной и городской идентичности, местные жители хоть и были недовольны временным жильем, в общественном и обыденном дискурсе того периода балки и вагончики не вызывали ярко выраженную отрицательную коннотацию, потому что временки и были родным домом, и выступали хоть каким-то средством решения жилищного вопроса. По мнению некоторых современников, трущоб в Сургуте не было: «Вот для постороннего человека, наверное, были, а поскольку это все у меня на глазах, я считаю, что нет. Потому что это вынужденная временная мера, ну как на партийных съездах говорят, без пафоса сказать, это вынужденная была мера временная. Она затянулась. Затянулась только потому, что воли наших руководителей не хватило ее решать» (Интервью с Дворниковым... 2015). Однако есть и современники, не стесняющиеся говорить о том, что в Сургуте были трущобы. Например, архитектор В.И. Унжаков указывал, что известная Таратыновка была трущобами. Но надо иметь в виду, что те, кто делает акцент на трущобности городского пространства Севера Западной Сибири только в отрицательной коннотации, зачастую не имеет опыта жизни в балках и вагончиках – они просто по-человечески не полюбили их.

Таким образом, нефтегазовое освоение Западной Сибири в 1960–1980-е гг. осуществлялось в том числе посредством стихийного и хаотичного строительства жилого пространства в форме временных поселков и трущоб, состоящих в основном из балков и вагончиков. Министерства и ведомства либо сами возводили трущобы, либо способствовали их строительству для своих рабочих. Трущобы становились временным решением жилищной проблемы для многих рабочих и инженеров, прибывающих трудиться в нефтедобывающей промышленности Сибири. Показанный самострой жилья дает основания говорить о псевдо- или квазиурбанизационных процессах в советской Сибири. Однако

в сравнении с трущобами развивающихся стран – Индии, Бразилии и Китая – самострой в Советском Союзе не обладал такими грандиозными масштабами. Вместе с тем балки и вагончики формировали городскую идентичность, в категориях которой выросло не одно поколение советских граждан с особой культурой и социальностью.

Литература

- Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М.: Сов. Россия, 1988. 112 с.
- Авимская М.А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень–Сургут–Нижневартовск–Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 236 с.
- Аникин Н.Г. Живи, любимый город! // Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 121–123.
- Бурцев А.Г. К теоретическим основаниям изучения истории самостоятельного строительства жилья в России // Архитектон: известия вузов. 2014. № 47. URL: http://archvuz.ru/2014_3/4 (дата обращения: 23.09.2015).
- Гапонова Т.Г. Жилищные условия на Тюменском Севере // Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). Новосибирск: Наука, 1986. С. 142–147.
- Государственный архив Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 1. Д. 4917. Документы к протоколу № 6 заседания бюро обкома КПСС (повестка дня, проекты постановлений, справки) за 1968 г.
- ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6879. Переписка обкома КПСС с министерствами, ведомствами, центральными учреждениями и организациями о развитии нефтяной, газовой промышленности и геологии за 1979 г.
- ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7610. Социологические паспорта городов, районов, рабочих поселков Тюменской области за 1982 г.
- ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7955. Письма обкома КПСС в Совет Министров СССР, РСФСР, Госплан СССР о развитии государственного, хозяйственного и культурного строительства за 1984 г.
- ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2272. Квартальные планы работы отдела, информации, справки партийных комитетов по выполнению постановлений окружкома КПСС по вопросам промышленности, строительства и транспорта за 1972 г.
- ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2288. Годовой план работы отдела, информации партийных комитетов о выполнении постановлений ЦК, обкома, окружкома КПСС, Совета Министров СССР по вопросам работы промышленности, строительства, транспорта за 1973 г.
- Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 4525. Документы (решения исполкомов, протоколы, планы, бюджеты, схемы, карты, справки) по административно-территориальному делению области за 1967 г.
- ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5041. Протокол № 11 заседания облисполкома (решения № 384–428) за 1971 г.
- ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5156. Протокол VII сессии XIII созыва Тюменского областного Совета депутатов трудящихся за 1972 г.
- ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Протокол № 9 заседания исполкома, решения № 306–330 исполкома, документы к ним за 1975 г.
- ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Документы Госстроя СССР и переписка с ним по вопросам строительства и архитектуры. Б.д.
- Гурьев В.И. Санитарно-гигиеническая характеристика условий труда и быта рабочих предприятий Главтюменгеологии при глубоком разведочном бурении в условиях Крайнего

- Севера и Среднего Приобья Тюменской области // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 87–89.
- Зорин Л.З., Трутнев А.Н. Сургутский вариант. М.: Недра, 1993. 176 с.
- Интервью с Дворниковым Владимиром Юрьевичем – заместителем директора департамента архитектуры и градостроительства Администрации г. Сургута в 2002–2012 гг. 23.03.2015 г. Личный архив автора.
- Интервью с Унжаковым Виктором Ивановичем – заместителем директора филиала ЛенЗНИИЭП в г. Сургуте в 1975–1989 гг., главным архитектором г. Сургута (1989–2000 гг.). 26.03.2015 г. Личный архив автора.
- Карпов В.П. Анатомия Тюменского подвига // Родина. 2012. № 8. С. 20–23.
- Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Повседневность Тюменского Севера в 1960–1980-е годы // Горные ведомости. 2011. № 1 (80). С. 84–96.
- Клевакин А.Н. Сибирский город в эпоху перемен. Новосибирск: Наука, 2008. 116 с.
- Кузьмищев В., Лисин В., Овчаренко Г. Контрольная для исполкома. Экспедиция «Правды» в Западную Сибирь // Правда. 1986. 15 декабря.
- Кузьмищев В., Лисин В., Овчаренко Г. Надежен ли тыл? // Правда. 1986. 10 декабря.
- Миленина Э.А., Морозова К.И., Смирнов В.И. Проблемы реализации градостроительных предложений в проектировании и строительстве городов и вахтовых поселков // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сб. науч. трудов. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. С. 11–22.
- Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации. Екатеринбург: Архитектон, 1997. 131 с.
- Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958–1972 гг.). Нефтеюганск, 2004. 84 с.
- Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М.: Мол. гвардия, 1988. 318 с.
- Тюменская стройка. М.: Недра, 1981. 175 с.
- Хромов Ю.Б., Корнев В.И. поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сб. науч. трудов. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. С. 31–46.
- Connor W.D. Deviant Behavior in Capitalist Society – The Soviet Image // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1971. Vol. 61, is. 4. P. 554–564.
- Davis D. Planet of Slums. London, New York: Verso. 2006. 228 p.
- Hausladen G. Siberian Urbanization since Stalin. Final report to National Council for Soviet and East European research. University of Nevada, Reno, 1990. 111 p.
- Matthews M. Poverty in the Soviet Union: The Life-styles of the Underprivileged in Recent Years. New York: Cambridge University Press, 1986. 227 p.
- Spodek H. Studying the History of Urbanization in India // Journal of Urban History. 1980. Vol. 6, № 3. P. 251–295.

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2017 г.

Stas Igor N.

URBANIZATION THROUGH SAMOSTROY: SLUMS IN OIL-PRODUCING REGIONS OF SOVIET SIBERIA IN THE 1960S TO THE 1980S*

Abstract. The article explores the formation of slums in oil-producing regions of Siberia in the Soviet period. The work is based on the analysis of archival documents from the two main archives of the West Siberian oil and gas complex – the State archives of the Tyumen region and the State archives of socio-political history of the Tyumen region. The author conducted field research in the slums of cities in oil-producing regions of Siberia and interviewed experts on urban planning in the region. The novelty of the work lies in the fact that in Russian

and foreign historiography there was virtually no research devoted to the formation of slums in the process of urbanization of the Soviet Union. In this article the author tries to show the mechanisms of creation of slums in the USSR cities through the example of oil and gas development in Siberia from the 1960s to the 1980s. The study shows that the emergence of slums resulted from the policy of the Soviet government, ministries, and departments (geologists, oilmen, and builders) that operated the oil region of Siberia. The urbanization developed uncontrollably here due to spontaneous and chaotic migration of huge numbers of workers whom the departments prompted to come and build the oil production complex in Siberia, whereas there was not enough decent housing available for everyone. Slums constituted a social mechanism of dealing with the housing problem. The departments themselves often built slums for their workers, and the slums would ultimately become the most important source of citywide and departmental identification for many city residents in the oil-producing areas of Siberia. Slums as a basis for self-identification acted as a social filter which ensured that only those who were best prepared, both psychologically and physically, and who linked their future with Siberia, would stay in the oil region.

Keywords: slums, urbanization, departments, oil and gas development, Siberia

* The article is written with financial support from Russian Foundation for the Humanities, project # 16-31-01014, titled 'The development of historical urban studies in Russia: theory and historiography of Soviet urbanization'.

DOI: 10.17223/2312461X/16/6

References

- Averin A.N., Antropov E.P. *Zapadnaia Sibir': sotsial'naia infrastruktura raionov osvoeniia* [Western Siberia: the social infrastructure of development areas]. Moscow: Sov. Rossiia, 1988.
- Avimskaja M.A. *Stroitel'stvo zheleznodorozhnoi magistrali Tiumen' – Surgut – Nizhnevartovsk – Urengoi i ego sotsiokul'turnoe obespechenie (ser. 1960-kh – ser. 1980-kh gg.)* [The construction of the Tyumen - Surgut - Nizhnevartovsk - Urengoy railway and its social and cultural security (from the mid-1960s to the mid-1980s)]: dis. ... kand. ist. nauk [A dissertation for the 'Candidate of History' degree]. Surgut, 2006.
- Anikin N.G. Zhivi, liubimyi gorod! [Live, favourite city!], *Glavtiumenneftegaz: 40-letniaia istoriia Glavka v svidetel'stvakh ochevidtsev, vospominaniiakh, dokumentakh i fotografiakh* [Glavtiumenneftegaz: the 40-year history of the Chief Directorate through eyewitnesses' accounts, memoirs, documents, and photographs]. Tyumen': Mandr i Ka, 2005, pp. 121-123.
- Burcev A.G. K teoreticheskim osnovaniim izuchenii istorii samodeiatel'nogo stroitel'stva zhil'ia v Rossii [Towards the theoretical foundations of studying the history of self-help housing construction in Russia] // *Arhitekton: izvestiia vuzov*, 2014, no. 47. Available at: http://archvuz.ru/2014_3/4 (Accessed 21.04.2015).
- Gaponova T.G. Zhilishchnye usloviia na Tiimenskom Severe [Living conditions in the Tyumen North] // *Sotsiologicheskie issledovaniia problem goroda i zhilishcha (1970-1980 gg.)* [Sociological research into the problems of cities and housing (1970-1980)]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 142-147.
- Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti* (GASPITO) [The state archives of socio-political history of the Tyumen region] F. 124, in. 1, c. 4917.
- GASPITO*. F. 124, in. 1, c. 6879.
- GASPITO*. F. 124, in. 1, c. 7610.
- GASPITO*. F. 124, in. 1, c. 7955.
- GASPITO*. F. P107, in. 1, c. 2272.
- GASPITO*. F. P107, in. 1, c. 2288.

- Gosudarstvennyy arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [The state archives of the Tyumen region]. F. 814, in. 1, c. 4525.
- GATO. F. 814, in. 1, c. 5041.
- GATO. F. 814, in. 1, c. 5156.
- GATO. F. 814, in. 1, c. 5545.
- GATO. F. 1933, in. 1, c. 15.
- Gur'ev V.I. Sanitarno-gigienicheskaia kharakteristika uslovii truda i byta rabochikh predpriatii Glavtiumen'geologii pri glubokom razvedochnom burenii v usloviakh Krainego Severa i Srednego Priob'ia Tiumenskoj oblasti [The description of sanitary-hygienic conditions of work and life of workers at Glavtyumengeologia enterprises conducting deep exploratory drilling in the Far North and Middle Ob regions in the Tyumen region], *Mediko-biologicheskie problemy vakhtennogo truda v usloviakh Tiumenskogo Severa* [Medical-and-biological problems associated with shift work in the Tyumen North]. Novosibirsk, 1977, pp. 87-89.
- Zorin L.Z., Trutnev A.N. *Surgutskii variant* [The case of Surgut]. Moscow: Nedra, 1993.
- Interv'iu s Dvornikovym Vladimirom Iur'evichem* – zamestitelem direktora departamenta arkhitektury i gradostroitel'stva Administratsii g. Surguta v 2002–2012 gg. Data 23.03.2015 g. Lichnyi arkhiv avtora [An interview with Dvornikov Vladimir Yurievich, Deputy Director of the Department of architecture and urban planning at the Surgut administration office, held the post from 2002 to 2012. Dated 23 March 2015. Author's personal archive].
- Interv'iu s Unzhakovym Viktorom Ivanovichem* – zamestitelem direktora filiala LenZNIIEP v g. Surgute v 1975–1989 gg., glavnym arkhitektorem g. Surguta (1989–2000 gg.). Data 26.03.2015 g. Lichnyi arkhiv avtora [An interview with Unzhakov Viktor Ivanovich, Deputy Director of LenZNIIEP branch in Surgut, held the post from 1975 to 1989, and Chief Architect of Surgut, held the post from 1989 to 2000. Dated 26 March 2015. Author's personal archive].
- Karpov V.P. Anatomiiia Tiumenskogo podviga [The anatomy of the Tyumen achievement], *Rodina*, 2012, no. 8, pp. 20-23.
- Karpov V.P., Gavrilova N.Ju. Povsednevnost' Tiumenskogo Severa v 1960–1980-e gody [Daily life in the Tyumen North in the 1960s to the 1980s], *Gornye vedomosti*, 2011, no. 1 (80), pp. 84-96.
- Klevakin A.N. *Sibirskii gorod v epokhu peremen* [The Siberian city in times of change]. Novosibirsk: Nauka, 2008.
- Kuz'mishhev V., Lisin V., Ovcharenko G. Kontrol'naia dlia ispolkoma. Ekspeditsiia "Pravdy" v Zapadnuui Sibir' [A test for the Executive Committee. The expedition of "Truth" to Western Siberia], *Pravda*, 1986, 15 December.
- Kuz'mishhev V., Lisin V., Ovcharenko G. Nadezhen li tyl? [Is our rearguard reliable?], *Pravda*, 1986, 10 December.
- Milenina Je.A., Morozova K.I., Smirnov V.I. Problemy realizatsii gradostroitel'nykh predlozhenii v proektirovanii i stroitel'stve gorodov i vakhtovykh poselkov [Issues in the implementation of urban development proposals for the design and construction of cities and shift workers settlements], *Voprosy realizatsii gradostroitel'nykh predlozhenii v Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [The issues of implementation of urban development proposals in Western Siberia]. Leningrad: LenZNIIEP, 1988, pp. 11-22.
- Nefteyugansk: vospominaniia, dokumenty, publikatsii* [Nefteyugansk: memories, documents, and publications]. Ekaterinburg: Arhitekton, 1997.
- Nefteyugansk: Ust'-Balykskaia nefterazvedochnaia ekspeditsiia (1958–1972 gg.)* [Nefteyugansk: the Ust-Balyk oil exploration expedition (1958-1972)]. Nefteyugansk, 2004.
- Salmanov F.K. *Sibir' – sud'ba moia* [Siberia, the destiny of mine]. Moscow: Mol. gvardija, 1988.
- Tiumenskaia stroika* [The Tyumen construction]. Moscow: Nedra, 1981.

- Khromov Iu.B., Korenev V.I. Poetapnoe formirovanie severnykh gorodov Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa [The phased formation of Northern cities of the West Siberian oil and gas complex], *Voprosy realizatsii gradostroitel'nykh predlozhenii v Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [The issues of implementation of urban development proposals in Western Siberia]. Leningrad: LenZNIIEP, 1988, pp. 31-46.
- Connor W.D. Deviant Behavior in Capitalist Society – The Soviet Image, *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1971, Vol. 61, is. 4, pp. 554-564.
- Davis D. *Planet of Slums*. London, New York: Verso, 2006.
- Hausladen G. *Siberian Urbanization since Stalin. Final report to National Council for Soviet and East European research*. University of Nevada, Reno, 1990.
- Matthews M. *Poverty in the Soviet Union: The Life-styles of the Underprivileged in Recent Years*. New York: Cambridge University Press, 1986.
- Spodek H. Studying the History of Urbanization in India, *Journal of Urban History*, 1980, Vol. 6, no. 3, pp. 251-295.